

БЕСЕДА С ЛЕГАТОМ ПАВЛОМ

Беседа, которую император Кантакузин вел в июне месяце пятого индикта шесть тысяч восемьсот семьдесят пятого года^[1] с господином Павлом, который пришел от папы вместе с графом Савойским и который, являясь митрополитом Фив, назван теперь папой патриархом Константинополя.

1. Император Палеолог, придя из Венгрии, и граф Савойский, который вместе с господином Павлом, прежде бывшим митрополитом Фив, ныне же наименованным папой патриархом Константинополя, пришел из этой страны,^[2] встретились в Созополе. Здесь и был поставлен ими, т. е. графом и Павлом, вопрос о единстве церквей. Император ответил им так:

— Я один ничего не могу сказать об этом; разве только, когда мы вернемся в Константинополь, ибо там находится мой отец-император и пребывает патриарх, и его собор выслушает то, что вы говорите, мы все вместе дадим вам на это ответ,

2. По прибытии их в Константинополь, когда Павел захотел и старался увидеться и обсудить с патриархом ^[3] вопрос о церкви, тот не пожелал *этого*,^[4] сказав:

— Как могу я при соборе видеться с ним и обсуждать какие бы то ни было вопросы о церкви, когда он не принес с собой письма от папы? Но если он хочет побеседовать *со мной* дружески, один на один, я уступлю ему и соглашусь.

Графу и Павлу это показалось в высшей степени удручающим и как бы знаком некоторого презрения, так что последний стал решительным образом требовать ответа на эти вопросы. Поскольку же император Палеолог, патриарх и архиереи просили императора Кантакузина, чтобы он с этой целью встретился с *ним* и побеседовал, он взялся вести этот спор сам. В назначенный день вместе с ним прибыли во Влахернские палаты его сын, император Палеолог, его дочь, деспина госпожа Елена, император господин Андроник и деспот господин Мануил, их дети, еще же некоторые из архонтов и его духовный отец господин Марк, а также три архиерея — Эфесский, Гераклеяский и Адрианопольский — с другими избранными церковными архонтами; вошел и Павел и, сотворив обычное приветствие, сел.

3. И после того, как *все* расселись, император Кантакузин спросил его:

— Каковы твоя воля и желание и чего ты добиваешься?

Тот ответил:

— Единства церкви.

Император ему:

— Ты стремишься к хорошему и богоугодному делу, но каким путем: силы и самовластия или убеждения, истины и церковного общения и постановления?

Тот:

— Путем убеждения и истины и согласно церковному установлению и порядку.

4. И император, возблагодарив Бога и его за его мнение и ответ, сказал следующее:

— Люди, не сохранив божественную заповедь мира, предались чудовищным страстям и делам и разделились: одни из них стали врагами христиан и присущего им по душе и телу, каковыми являются нечестивые и последователи Магомета, другие же врагами их добра, а иногда и тел, каковыми являются единоверные нам и придерживающиеся церкви, т. е. болгары, сербы и им подобные, — ведь стоит им захотеть разграбить *наше* добро, как отсюда начинаются войны, и по необходимости за ними следуют телесные смерти. Но есть и иные, кажущиеся друг другу друзьями; они — единоплеменники, но забыли об этом и являются врагами тех, кто имеет с ними дело; ведь если кто-нибудь, обманув, сможет получить от другого что-либо, стоящее много денег, дав взамен немного, то не считает, что приобрел это хищнически, обманно, чуть ли не путем воровства, но радуется, как будто совершил какое-нибудь доброе дело, а в итоге постепенно становится врагом другого.

5. Так дело обстоит с врагами, с друзьями же дело обстоит следующим образом.

Оказываются ведь друзьями *люди*, которые, сойдясь из разных стран и земель, относятся друг к другу по-дружески, как мы — ведь ты из Калабрии (ибо тот был калабриец *родом*), а я из здешних. Есть опять же люди, ставшие друзьями: одни — из разных городов, другие — из одного отечества и рода. И еще третьи есть, которые еще роднее этих, отец с сыном и брат с братом. А жена со своим мужем — не только друзья, но и плоть одна (Быт. 2, 24). Но ни одна дружба, ни одно самое полное соединение из тех, что я перечислил, не может сравниться с духовным единением и любовью Церкви. Да что я говорю о многих?! Даже отдельный

человек, даже индивидуум не может сам по себе быть цельным и единым так, как духовный человек, т. е. Церковь, ибо именно Церковь есть тело Господне, голова коего — Христос.

6. И поэтому тот, кто хочет расколоть Церковь, раскалывает само тело Господне и сам есть распявший Господа и проткнувший бок Его копием. Я того в первую очередь приравниваю к распявшему Его, кто вызвал этот нынешний раскол. Но я сказал бы, что и тот, кто может соединить Церковь, но не сделал этого либо из-за собственного пристрастия, либо по какой бы то ни было причине, не лучше первого, и что про этого человека можно сказать, что даже кровавый мученический венец не освобождает его от кары; ведь на моей стороне сказавший: «Если и страдает кто, не венчается, если не законно страдать будет» (2 Тим. 2, 5). Я утверждаю, что не только из-за множества людей, которых спас Христос, промысел воплощения Его совершился, но и будь в мире всего только один человек — ради него одного Он воплотился бы и страдал, чтобы спасти его. Итак, если бы я не понимал, сколь великим злом является *разделение Церкви*, то кара Божия была бы мне умеренной, но поскольку я точно и отчетливо знаю, сколько добра может принести единство и сколько зла *приносит* раскол Церкви, то, если только есть у нас возможность достигнуть этого единства и оно не будет достигнуто, не знаю, как я вынесу достойную кару. Я говорю это, свидетельствуя перед Богом и его избранными ангелами, что, ниспошли он мне смерть в огне ради единства Церкви, я бы сам, собрав дрова, зажег их и вошел бы в огонь с большим желанием и рвением.

7. И не говори мне, что я говорю это просто потому, что желаю, чтобы Римская церковь присоединилась к нашей; ибо, с одной стороны, я уверен, что *именно* наша церковь правильно мыслит, — как сам Христос научил и Его ученики и апостолы, — и готов тысячу раз умирать за это; это совершенно ясно, и вы, как и мы, ничего против этого не имеете. Но, с другой стороны, свидетельствуя, что наши мнения хороши и правильны, вы считаете еще, что и ваши правильны, поскольку они не являются противоречащими тому, что думаем и говорим мы. Потому-то я и говорю, что с готовностью предаю свое тело сожжению, чтобы выяснить и обнаружить перед Богом и людьми подлинно обнаженную истину, если только есть истина в том, что вы говорите. Ведь мы в это не верим.

8. Так вот, поскольку дела и истина находятся в таком состоянии, ни один человек — ни из нашей церкви, ни из Римской — не сможет сказать, что стремится к единству больше меня. Ибо едва ли

не с той поры, как на свет появился и увидел солнце, я охвачен стремлением и желанием увидеть единство Церкви. Не случилось же этого, я полагаю, потому, что все время — с того момента, как разделение Церкви сделалось всеобщим, и донныне — вы подходите к вопросу объединения не как друзья и братья, а наставнически, самовластно и как если бы вы были господами, заявляя, что ни мы, ни вообще кто-либо из людей не может иметь взгляды, отличные от того и противоречащие тому, что папа говорит или же скажет, поскольку он является наследником Петра и говорит то же самое, что и Христос, но что мы должны выслушивать его слова, склоняя сердца и головы, как если бы они исходили от самого Христа.

9. Так вот, знай, архиерей, что пока подобное мнение держит у вас верх, воссоединить Церковь невозможно. Но если ты хочешь, чтобы была общая польза, послушайся моего совета и не сочти меня человеком гордым и хвастливым. Мы, полководцы, когда собираемся выступить в поход и вторгнуться в землю наших врагов, следуем не только своему мнению, но пользуемся и советами солдат, находящихся на границе, которых мы зовем глазами войска, и хотя по знаниям очень от них отличаемся, принимаем их мнение — как специалистов и людей, имеющих сведения о прилегающих к границе районах. Поскольку я опытнее тебя в здешних делах, прими мой совет. Состоит он в следующем.

10. А именно: надо, чтобы состоялся кафеолический и вселенский собор, на который собрались бы в Константинополь архиереи, находящиеся под властью вселенского патриарха — и те, которые близко, и те, которые далеко пребывают, как-то: *митрополит* России с несколькими его епископами, *митрополиты* Трапезунда, Алании, Зихии,[5] также другие патриархи: Александрии, Антиохии и Иерусалима, а кроме того — католикос Ивирии, патриарх Тырнова и архиепископ Сербии; — собор, на который и папа прислал бы *своих* представителей, согласно с установленными издревле порядком и обыкновением. И когда они соберутся, надо, чтобы они с любовью Всесвятого Духа и братским расположением исследовали существующие причины конфликта между нами и вами. И если так будет, я уверен, что Бог не скроет от нас Свою святую волю и истину.

11. Если же будет не так, как я сейчас советую, а так, как безрассудно в данный момент ты стараешься, чтобы было, то не только не произойдет объединения, но и начнется еще худший, чем прежде, раскол. А ведь этот церковный раскол уже дошел до такой чудовищности, что некоторые из ваших вздумали крестить заново людей, принадлежащих к нашей церкви: ведь венгерский ко-

роль делает это безбоязненно и уже перекрестил многих, в том числе и сына болгарского царя Александра,[6] как будто наше крещение недействительно! Что пользы перечислять поименно?! Самого императора, моего сына, когда он там находился и просил у короля помощи против нечестивых, и сам король, и его мать,[7] и их вельможи настойчиво пытались окрестить заново вместе со свитой, заявляя: «В ином случае, если ты сначала этого не сделаешь, мы не сможем оказать тебе помощи!»

12. И, наконец, подумай, какая нелепость: ведь, будучи перекрещен из нашей веры, человек оказывается полностью отверженным и лишенным первого крещения, второго же крещения нет, ибо христианским крещением мы только раз крестимы; такой человек поневоле становится безбожным, ибо ясно, что кто не имеет крещения, не имеет и Бога. И ясно, как мы сказали выше, что те, кто поступает так, вместо того, чтобы быть нашими друзьями, братьями и *соучастниками* в духовном теле Христа, становятся *нашими* врагами — и не только в отношении тел и добра, но и по отношению к самим душам, а это, как мы сказали вначале, — характерная особенность нечестивых!

13. Потому, если произойдет так, как сказано, будет хорошо, если же нет, то и среди тех, кто далеко, и среди самих тех, кто находится в Константинополе, произойдет раскол, так что одни из них убегут в чужие земли, другие подчинятся нашей воле, третьи будут противостоять ей до *самой* смерти, считая себя мучениками. Ведь так и произошло при самодержце и предке моем императоре господине Михаиле, первом из Палеологов:[8] было сделано не так, как я советую сейчас, а так, как в настоящее время ты стараешься, чтобы случилось. И отсюда возникла тирания и *началось* немалое гонение, пользы же не было никакой, вследствие чего его дело вскоре оказалось непрочным, и все снова вернулось в прежнее состояние. Так вот, чтобы снова не произошло того же самого, послушайся моих слов и совета.

14. Услышав это от императора, Павел сказал:

— Но какая мне польза от собрания многих? Я обращаюсь только к тебе, а через это мне доступно все, ибо ты подобен вертелу, на котором все, как куски мяса, висят; и если ты сдвинешься, и они вместе с тобой повернутся.

15. Император:

— Это не так, архиерей. О себе я скажу, что если бы я был таким человеком, которого легко убедить твоими словами, и если бы ты этого достиг,

то тебе, конечно, никоим образом не следовало бы полагаться на мои слова, ибо если бы я так легко послушался твоих слов, то в будущем так же легко обратился бы к чему-нибудь другому. Что же касается необходимости исследования тех вопросов, по которым возникают и существуют споры, то с этим я согласен, одобряю это и желаю этого от души. И когда *по рассмотрении* окажется, что ваше учение здраво, истинно и не противоречит нашим догматам, то первым, кто примет и возлюбит его, буду я. В ином случае не питай никакой надежды на то, что ты хочешь относительно меня.

16. Далее: если я подобен вертелу и все висят на мне, как ты говоришь, то это — не так просто; эти люди следуют в этих вопросах за мной, принимая мои слова и склоняясь к ним как к причастным божественной истине и правильным догматам, и никоим образом не иначе. Некоторое время назад, когда встал вопрос о церковных догматах, было произведено *их* рассмотрение — и не один раз, но дважды и трижды — и церковь высказала свое мнение по этим вопросам.[9] Но некоторые, не будучи убеждены и этим, сказали: «Мы согласны с твоими предписаниями во всем, что касается тел; *такие предписания* мы приветствуем и следуем им, подчиняясь *тебе*, поскольку ты наш император. Но в том, что нам представляется *идушим* во вред нашим душам, мы не можем за тобой последовать». Таким образом, они сохраняют верность своей воле по сей день, хотя я вполне мог бы как самодержец применить к ним моей властью все, что захотел бы: конфискацию, изгнание, смертную казнь. Но это не свойственно нашей церкви, поскольку вынужденная вера — не вера. Так вот, если эти отдельные *здесь* люди, которых можно легко пересчитать, не захотели внять ни церковному, ни нашему решению, тем более *могут не послушать нас* многие *верующие*, живущие далеко *отсюда*.

17. Павел:

— Нет правильной веры без решения папы; и из этого ясно, что с той поры как вы отошли от общения с ним, верх над вами взяли нечестивые и отобрали у вас ваши земли.

Император ему:

— Твои слова о том, что с тех пор, как мы порвали общение с папой, нечестивые осилили нас, не убедительны: ибо и Антиохию, большой и знаменитый город, и множество находящихся в той земле крепостей они захватили до раскола. И не только это: ведь и в ваших пределах многое было захвачено еще раньше. Я имею в виду Африку, Карфаген и другие земли вблизи Испании. И потому не доказательны твои слова, что якобы не-

честивые захватили наши земли из-за раскола Церкви. Это произошло из-за многих других наших грехов, совершая которые мы не раскаиваемся.

18. Что же касается нашей веры, то я заявляю, что не только одни мы убеждены, что по сей день храним ее неизменной, как приняли от Христа, апостолов и их преемников, но и вы сами то же самое по сию пору свидетельствуете, да и ты сам говоришь, что наши убеждения не противоречат вашим. Если же ты осмелишься сказать, что наша вера и наши слова не содержат истины, справедливости и праведности, пусть разведут огонь и давай войдем в него!

На вопрос Павла относительно того, когда будет огонь, император сказал:

— Я не поднимусь со стула до тех пор, пока не разожгут огонь.

Некоторое время Павел, возможно, считал, что эти слова сказаны императором не всерьез, и *потому* соглашался. Когда же он понял, что это не пустые и напрасные слова, но реальное дело, он сразу начал отказываться, говоря: «Я жить, а не умереть хочу». Император сказал:

— То же самое хочу и я, но я абсолютно уверен, что при Божьем содействии в пользу православного учения я не только не сгорю, но окажу вам помощь. Потому-то я и осмеливаюсь войти в огонь. Ты же, похоже, сомневаешься в своей вере и потому боишься смерти.

19. Павел некоторое время помолчал, затем император спросил его:

— Что же ты думаешь по поводу сказанного мной?

Тот ответил:

— Правду говорю, не обманываю: *все* это хорошо, истинно и справедливо. Остается только тебе встретиться с папой. И если это случится, много произойдет добра.

Император:

— Я полагаю, что безумен человек, который, желая перейти реку, простодушно влез в воду, не изучив предварительно выхода из нее. Я говорю это в качестве примера к твоему ответу. Ведь то же самое, что ты сейчас говоришь и утверждаешь, говорит папа; потому, если, как ты сказал, одобришь мои слова и совет — то, что мы исследуем, решено; если же нет, то и прибыв к папе, я услышу от него то же самое, что и от тебя сейчас, и то же

самое, что говорю тебе, скажу ему и я, и, значит, мое прибытие к нему было бы напрасным.

20. Павел:

— Вы, императоры, усевшись на вершине императорской власти, не соглашаетесь посетить папу. Потому-то ты и не хочешь отправиться к нему.

Император:

— Прежние, бывшие до меня императоры справедливо и не без причины, я полагаю, — и притом основательно полагаю, — не прибывали к нему. Но говорить здесь об этом пространней я отказываюсь, чтобы мы, забыв дело, не занялись посторонним. Я же ради единства Церкви не то что на лошадах или на корабле — пешком отправился бы к нему, будь он даже на самом краю света. Всякий, кто прибывает к нему, целует его ногу. Для меня это весьма удивительно. Но ради, повторяю, объединения Церкви я бы не только его ногу поцеловал, но и его лошади, и даже пыль под ее ногами.

21. Павел:

— Если ты согласишься с моими словами и отправишься к папе, чтобы исполнить его волю, поскольку она справедлива и хороша, то папа даст тебе не только средства для защиты границ и иных целей, но и перстень, который он носит. Если же нет — знай: великая и грозная сила придет и обрушится на вас, так что вы испытаете огромные бедствия.

22. Император, слегка усмехнувшись, сказал ему:

— Союз предполагает нечто большее, чем перстень. Допустим, папа даст вместе с перстнем и свою мантию и — ничего больше. Этим он исполнит твое обещание, нам же от этого не будет никакой пользы. Но я это сказал шутя. Серьезно же говорю, что если догматы, которых придерживается папа и вы, окажутся правильными и истинными, то мы сами по себе примем их — без какой бы то ни было помощи и даров. Если же нет, то ни огонь, ни меч, ни сабля не заставят нас отступить от истинных и правильных догматов, ибо нам сказано: «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить» (Мф. 10, 28), а также: «Никто не может похитить овец моих из руки Отца моего» (ср. Ин. 10, 29). Так что овец, находящихся у Христа в руке, никто не сможет похитить, хотя бы и убивал тело десять тысяч раз.

23. Когда же Павел сказал: «Христиан, живущих среди нечестивых, я ставлю наравне с этими

самыми нечестивыми, поскольку они терпят, слыша, как каждый день поносится имя Христово», император ответил ему:

— Я не только не считаю их всех, как ты говоришь, нечестивыми, но думаю, что многие из них лучше и благочестивей многих из живущих в здешних краях: ведь те, оказавшись в плену и в руках у нечестивых за известные Богу грехи и не имея даже возможности оттуда уйти, тем не менее тщательнее *этих* блюдут свою святыню и веру.

А из здешних некоторые туда перебегают, некоторые же, не имея возможности это сделать легко, пребывают здесь против своей воли. Потому я и сказал, что тамошних *христиан* я считаю православными, а этих — нечестивыми. Судьбу же их ведаёт праведный судия — Бог! А что плененные христиане, слыша имя Божие поносимым, ничуть не терпят ущерба, ясно следует из того, что победоносные *исповедники* и святые мученики, находясь среди нечестивых идолопоклонников, будучи христианами и слыша хулу в адрес Бога, не терпели ущерба. Но первые умирали естественной смертью, без мученичества, и отходили с тем, чтобы дать отчет в своих делах; другие же в решающий момент сами отдавали себя на мученическую смерть с тем, чтобы ее посредством приобрести вечные и неувядающие венки.

24. После этих слов беседа подошла к концу. Когда они немного перевели дух, император снова, как прежде, спросил:

— Что ты думаешь по поводу сказанного, архиерей? Если это несправедливо, то изобличи несправедливость, если же это оказывается речами истины и справедливости, послушайся моих слов и совета!

Павел:

— Перед лицом Христа и истины, как прежде сказал, так говорю и теперь: свято, прекрасно и истинно то, что ты говоришь. И потому я соглашаюсь и приветствую, чтобы был созван собор.

25. Император:

— Как дела, так и слова мои пусть будут ясны и понятны, чтобы они не потребовали иного объяснения в будущем. Если ты хочешь, чтобы был такой собор, как древние вселенские соборы, замечательно, слов нет. Но если вы собираетесь прибыть, чтобы учить нас истине, то мы учителей не приглашаем, и если судьями — тем более. Ибо как вы будете выступать одновременно и судьями, и стороной в споре? А если же вы придете дружески и братски, без вражды и высокомерия, как люди, от

души ищущие истину, мир и согласие, то это будет угодно Богу и нам, его рабам, приятно. Итак, если, собравшись вместе, мы изучим взгляды друг друга и придем все к соглашению — слава святому Богу! Если же всем руководящий и движущий Бог за ему известные грехи попустит, чтобы опять явилось такое же разногласие между нами и вами и разгорелся спор, то, дабы не оборвалась связь и не возникла у нас вражда и еще большая распря, чем теперь, пусть каждая церковь останется при том, чего она держится сейчас, с тем чтобы все от души просили и умоляли миротворца Бога ниспослать Свой святой мир и единство так, как он Сам ведает.

26. После того, как император это сказал и Павел заявил, что он с этим согласен, было постановлено, чтобы этот собор состоялся в Константинополе в промежутке между началом июня пятого индикта шесть тысяч восемьсот семьдесят пятого года и концом мая седьмого индикта.[10]

.....

КОММЕНТАРИИ

Перевод сделан с греческого текста, изданного о. И. Мейендорфом по рукописи Lavra A 135: Meendorff J. Projets de concile oecumenique en 1367. Un dialogue inedit entre Jean Cantacuzene et le legat Paul // *Dumbarton Oaks Papers*. Washington, D. C., 1960, № 14. P. 169—177. Впервые перевод опубликован: Прохоров Г. М. Публицистика Иоанна Кантакузина 1367—1371 гг. // *Византийский Временник*. М., 1969. Т. 29. С. 328—334.

1. ...шесть тысяч восемьсот семьдесят пятого года. — 1367.

2. ...из этой страны. — Очевидно, из Италии.

3. ...с патриархом. — Константинопольским патриархом был тогда (во второй раз) Филофей Коккин (1364—1376 гг.).

4. Здесь и далее курсивом обозначены вставки переводчика.

5. ...митрополиты Трапезунда, Алании, Зихия. — Митрополия Алании находилась на Северном Кавказе в районе Осетии, митрополия Трапезунда — на южном берегу Черного моря, а Зихийская — на северном берегу Черного моря в районе Тамани и Абхазии.

6. ...венгерский король... царя Александра. — За год до этого венгерский король Людовик Великий

перекрестил, заставил принять римско-католическое крещение захваченного им в плен в Видине Страцимира, сына болгарского царя Александра.

7. ... его мать. — Елизавета Польская. Речь идет о визите в Венгрию в 1366 г. с просьбой к Людовику Великому о помощи византийского императора Иоанна V Палеолога.

8. ...при самодержце и предке моем императоре господине Михаиле, первом из Палеологов. - Михаил V Палеолог, император (1259—1282 гг.), восстановивший Византийскую империю (1261 г.) и заставивший византийскую церковь — с целью обезопасить свою империю с Запада — заключить в 1274 г. в Лионе унию с римско-католической церковью. Уния была не принята населением Византии и со смертью Михаила прекратила свое существование.

9. ...церковь высказала свое мнение по этим вопросам. — Имеются в виду константинопольские соборы 1341, 1347 и 1351 гг.

10. ...между началом июня пятого индикта... и концом мая седьмого индикта. — Это означает: между началом июня 1367 г., когда состоялся этот разговор, и концом мая 1369 г.

.....
Воспроизведено по изданию: Иоанн Кантакузин. Беседа с папским легатом. Диалог с иудеем /Предисл., пер. с греч. и коммент. Прохорова Г.М. - СПб.: Алтейя, 1997.